

СВАДЬБА

*Отрывок из рукописи романа
«Дороги Серебряных шаманок».*

А. М. Ламажаа¹

WEDDING

*an extract from the novel manuscript
“Roads of the Silver Shamans-woman”*

A. M. Lamajaa

В юрте Сереброголовой старшая группа сватов во главе со свахой – старшей тетей жениха – вели церемонные речи и вручали с шутками, прибаутками и благопожеланиями подарки шаманке и ее родственникам. Те им наливали чай и угощали яствами.

Вся молодежь с обеих сторон во главе с женихом во дворе занимались церемонией поиска спрятанной в аале невесты. Стоял веселый гомон, хохот. Подружки невесты пели частушки и преграждали путь жениху, требуя выкуп. Тот им со смехом раздавал серебряные деньги, ленты, бусы, а девушки каждый раз показывали не ту юрту, где была спрятана невеста.

Один веселый друг жениха вытащил из мешка маленького смышленного щенка. Дал ему понюхать платочек невесты и велел искать. Тот, весело твякая, побежал к очередной юрте и около порога сделал лужу под общий хохот.

Жених зашел внутрь и вскоре вывел оттуда смеющуюся невесту. Сквозь тонкий шелк думаалая¹ были видны пунцовые щеки. Она была

¹ Ламажаа Анна Момбужаевна – врач, писатель.
Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/172-wedding.html

нарядно одета, косы ее уже были переплетены в две, как и положено замужней женщине. На них были новые чавага², подаренные женихом.

Под песни и хоомей Болата и Тану торжественно проводили в юрту Сереброголовой шаманки. Здесь молодых посадили на почетное место в центре юрты и дали чашу с молоком, чтобы они отпили из нее. Тут же сваха попросила хозяев убрать их яства и подать посуду. Расстелили новые скатерти и сторона жениха быстро разложила свою привезенную праздничную еду, налили в чаши араку.

В это время другие родственницы жениха начали церемонию обмена трубки мира с невестой. Все быстро ей подавали свои трубки с табаком. Невеста, сделав одну затяжку, должна была вернуть трубку хозяйке, не ошибаясь и похвалив табак или трубку. Танаа не ударила в грязь лицом. Для всех без запинки нашла добрые слова и не перепутала ни одну трубку. Это было высоко оценено родственницами жениха. Они проводили шуточное испытание для того, чтобы проверить реакцию и наблюдательность невесты. Она не должна была путать родственников мужа, а также овец и коров при дойке.

С обеих сторон молодежь обменивалась частушками и хоомеем.

Вот и закончилась беззаботная жизнь Таны в родной юрте старшей сестры-шаманки. Сереброголовая благословила молодых. Церемония провода невесты из родного очага завершилась.

Прямо к порогу юрты невесты жених подвел разукрашенного резвого коня в серебряной сбруе, который также был подарком молодой жене. Болат посадил Тану в седло, подхватив прямо с порога. Их ждала сваха, уже сидевшая верхом на своем коне. Она должна была увезти невестку из родного аала и привезти к порогу нового дома в аале жениха.

Как только повод оказался в руке свахи, она увлекла коней быстрым ходом в дорогу. Их подстегнули плетками и шумным гиканием

жених с друзьями. Невеста не должна была оборачиваться назад. От быстрой езды развевалась только от ветра ее головная накидка.

Родственникам с обеих сторон предстояло догнать их только по дороге. Все вместе теперь они направлялись на свадьбу.

Родные Таны и гости быстро рассаживались на приготовленных лошадях. Сереброголовая с Чайнмой были впереди, за ними - дед Данзырын на своем старом пегом коне, Долума в красивой одежде на резвом черном скакуне, дядя Самнаар, отец Маныкай и еще пятеро всадников и всадниц сопровождения невесты.

В аале остались расстроенные Буянма с Демиром, которым следовало собрать вещи для учебы в школе. Детей оставили под присмотром матери Маныкай. Сама девочка безутешно рыдала по наставнице Тане. Мать ее успокаивала: «Ничего не поделаешь, так принято. Камень должен лежать, где положили, а невеста должна жить там, куда ее выдали. Через год увидишь тетю, когда приедет в гости...».

Осенняя стоянка родителей жениха, где должна была состояться свадьба, находилась далеко в предгорьях Желтых гор. Для обычного всадника это был день неспешного пути с остановками. Но свадебная кавалькада, состоящая из множества всадников, не должна была останавливаться в пути надолго. При быстрой езде дорогу одолевали за полдня.

Чаянмаа радовалась новым дорожным впечатлениям. Стоял ясный, теплый день. За каждым поворотом дороги появлялись то причудливые нагромождения скал, камней, то новые группы деревьев, полянки цветов. На голубом небе высоко плыли кучки белых облаков, похожие на вату. Над головой неторопливо кружили большие птицы. Из-под копыт лошадей с шумом разлетались кузнечики. Дорога по осенним предгорьям, где гулял ветер, приносивший с обильных лугов изумительные запахи, не была утомительной для всадников на сытых

конях. Лошади как будто чувствовали значительность события и гордо несли своих седоков, ревниво кося глазами друг на друга, норовя вырваться вперед.

По дороге жених и его родичи демонстрировали свои способности известных лучников-охотников, чем славился их род. На ходу с лошади они попадали из лука в летящую птицу или бегающих среди камней сусликов-тарбаганов. На открытых пространствах между холмов с желтеющей травой с шумом устраивали скачки, во время которых соревнующиеся вырывали друг у друга лисью шкуру.

Во всех дорожных играх первенствовал Болат, жених Таны. На черном скакуне с белой отметиной на лбу он как птица налетал на друзей, ловко вырывал у них шкурку и с гиканьем уносился так быстро, что догнать его никто не мог. Особенно он стал нравиться Чаянме своей лихой стрельбой из лука. Каждое его движение отличалось легким изяществом. Мужчина всегда улыбался белозубой улыбкой. При этом его карие глаза как будто излучали теплый свет. Девочке понравилось наблюдать за Таной и новым дядей, когда они ехали рядом на лошадях: рассеянно улыбаясь, изредка стыдливо бросали горячие взгляды друг на друга. В эти минуты они были такими счастливыми, что даже Чаянмаа это чувствовала и радовалась за них.

Родне Таны Болат тоже был симпатичен. Только не нравилось его имя. Оно напоминало всем другого зятя, трагически погибшего на перевале – отца Чаянмы. Жених и внешне напоминал того, потому что временами Долума отворачивалась от него с болезненной гримасой и внезапно влажнеющими глазами. А может женщина вспоминала и свою свадьбу, которая была в Кара-Холе всего-то лет десять назад. Это было незабываемое время!

Лошади шли резвым галопом. В начале пути молодые с некоторой опаской поглядывали на старую пегую лошадь деда Данзырына.

Все беспокоились, сможет ли такая кляча выдержать быстрый темп езды, не начнет ли отставать и задерживать весь караван. Однако с середины пути все с удивлением начали замечать, что пегая лошаденка деда идет рядом с их лошадьми, ничуть не сбавляя хода. Им всем наоборот даже приходилось время от времени догонять Данзырына. А на последнем отрезке пути конь деда уже вовсе возглавлял изрядно вытянувшийся караван. При этом он шел ровной иноходью и не сбивался, даже когда остальные перешли на галоп. Тут все стали замечать, что конь этот не совсем обычный. Чем дальше и дольше он шел, тем ровнее дышал и гордо поднимал голову. Скакун будто вытянулся в длину, сбросил годы и на глазах превратился в прекрасного скакуна светло-пегого окраса. Пестрота его исчезла, шерсть ровно заблестела. Недобро кося блестящими глазами, он не пропускал вперед себя ни одну лошадь.

При этом мохнатая шерсть, покрывавшая крепкие ноги, развеваясь от ветра, открывала удивительно красивую округлость копыт...

Еще большее удивление вызывал сам всадник. Полуслепой старик почти не управлял конем. Ровно покачиваясь в седле, что-то напевая под нос, он ехал, не глядя на дорогу. Конь шел сам, но казался единым целым со своим хозяином. Все кто ехал в это время за стариком, удивлено смотрели на эту чудную пару. Изумления не скрывали даже свои родичи. Только шаманка знала, что старик Данзырын, отдав государству на нужды фронта весь свой табун, оставил себе единственное ценное – легендарного коня, называемого в народе Аранчула, с необычной судьбой и удивительными данными.

В спокойном состоянии дома конь выглядел неприглядно. Его необычный ход и вид, а также удивительная выносливость проявлялись в пути на далекие расстояния. Он мог бежать, не сбавляя темпа двое-трое суток, при этом постепенно преображаясь и хорошея, мыш-

цы его только наливались силой и мощью. Чаянмаа безмерно удивлялась этому преобразению Аранчула. На нем очень неудобно было ездить на близкие расстояния, ход его был тряский и жесткий. А теперь конь бежал так ровно и мягко, будто расстился по степи...

Дорога петляла уже по предгорьям Желтых гор.

Чаянмаа спросила у бабушки:

– Почему горы так называются?

Та предложила ей внимательно присмотреться к скалам и грудам камней, которыми были покрыты горы. Объяснила, что здесь скалы и утесы сплошь покрыты желтой ржавчиной и смолой. Отсюда и название. На заре горы сверкают как золотые, а на закате переливаются огненно-красными и желтыми сполохами.

Солнце склонилось к закату, когда за очередным поворотом путникам открылась внизу зеленая долина, где стоял десяток юрт. Это была стоянка родителей жениха. Отсюда уже было видно множество людей, ожидающих гостей. Горели костры, в больших котлах варилось мясо.

Сваха снова взяла повод коня невесты в свои руки и под шумные крики молодежи торжественно увлекла всех вниз.

Сделав круг по ходу солнца вокруг аала, сваха привезла невесту к порогу юрты родителей жениха. Они уже стояли наготове. Повод коня был передан свекру. Он и Болат помогли невесте сойти с лошади.

Тану подвели к свекровке. Невеста поклонилась. Та, улыбаясь, взяла за руку ее и они вместе обошли вокруг юрты родителей по ходу солнца. Теперь со словами благопожеланий нового члена семьи пригласили в юрту. Танаа легко подобрала подол длинного тона, перешагнула через порог, не задев его, и вошла внутрь. Молодых посадили на центральное место и подали пиалу с молоком.

Самый старший член семьи седовласый дед Дойнур сам держал за узду лошадь Сереброголовой шаманки, поддерживал стремя, пока она спускалась с лошади. Это было очень высокое уважение к госте, которую в аале встречали с большим волнением и почетом. Все понимали, с кем они породнились, и считали за огромную честь для рода Шалыков. С большим уважением и любопытством снимали с лошади и Чаянму. Здесь уже знали о необычной внучке шаманки.

После церемониального обмена трубками мира, угощения чаем и разговоров о погоде и благополучии прямо во дворе начался праздничный свадебный той. На зеленом лугу были расстелены белые войлоки, на них разложили еда по рангу всех присутствующих.

К Чаянме прикрепили двух девочек и двух мальчиков примерно ее возраста, с которыми она быстро нашла общий язык. Вместе они обежали местные достопримечательности. Гостью повели посмотреть жильё молодых.

Юрта была совершенно новая. Наружные войлочные покрытия были красиво отделаны узорчатой широкой красной каймой. Деревянная расписная дверь была закрыта и поперек ее висела красивая широкая веревка с чаламой, на которой были написаны благопожелания. В полночь, когда той и вечерние игры завершатся, дверь юрты новобрачных откроет шаманка. Она произведет свое ритуальное камлание над очагом молодоженов на счастье и только тогда разрешит им войти в свой дом.

Сваты были людьми с достатком и очень постарались, чтобы достойно принять у себя почетных гостей. Было много музыкантов с инструментами: игилом, бызаанчы, лимби. Местные богатыри мерились силами в борьбе хуреш под одобрительные возгласы зрителей. Быть секундантом здесь попросили дядю Самнаара – непревзойденного мастера этого дела.

Победу одержал начын-моге Шалыков – Допчут. С самого начала все обратили внимание на его красивый танец орла, с которого начинается и которым заканчивается хуреш. Одевание борца содак и шуудак³ демонстрировали его прекрасное бронзовое от загара тело, подчеркивали могучие мышцы.

Он без особых усилий одолел всех противников и дошел до финала. Легко бросив на землю последнего соперника, Допчут сам же поднял его, пропустил его под левой рукой и снова поплыл в ритуальном танце орла – уже победном. Мощные руки медленно, как бы поглаживая воздух, устремились вверх и в стороны, свободное движение кистей изображало взмах крыльев. Крепкие ноги в расписных кожаных идиках с загнутыми вверх носками легко вытанцовывали и как будто поднимали богатыря над землей.

Победитель обошел кругом столб, установленный по обычаю посередине поля поединков. На его вершине был изображен тамга⁴ рода Шалыков, чуть ниже его – серебряная уздечка, которая оповещала, что главным призом будет скакун. Здесь же была привязана разукрашенная веревочка с чаламой – знак второго приза, которым была назначена корова. Эти награды выставили молодожены, в честь которых и состязались борцов.

Вот победитель завершил танец орла. Высокими прыжками он покрутился вокруг собственной оси, легко приземлился, похлопал бедра и поклонился молодоженам. К нему подошел судья, подал увесистую голову сыра. Откусив кусок, борец бросил его в сторону зрителей, затем снова откусил и снова бросил. И так – пока не вышел весь сыр. Ребятишки с веселым визгом и шумом ловили кусочки и тут же съедали. По обычаю сыр победителя приносит силу и здоровье. А все дети хотели быть похожими на могучего борца – победителя.

Немногие заметили, что начын-Допчут не спускал глаз с сестры новобрачной – с Долумы, матери Чайнмы, сидевшей во время турнира борцов рядом с невестой. В конце он с грустной улыбкой тепло посмотрел на нее и отдельно поклонился ей, присев на одно колено.

Долума смущенно опустила взгляд, а Танаа с сестрой-шаманкой переглянулись. Они знали, что когда-то Допчут хотел свататься к Долуме. Но та не приняла его любовь, выбрала Болата-табунщика. Богатырь долгие годы ходил холостяком и женился только год назад.

Когда стемнело, разожгли огромный костер. Молодежь начала веселые песни, игры. Раздалось горловое пение, зазвенел сыгыт. Зрителей стало еще больше. Друзьям жениха, всему племени Шалыков не терпелось услышать волшебное пение новой невестки – Таны.

Вот ей подали бызаанчы. Она перебрала струны, послушала звуки и, наконец, запела.

Начала протяжную песню – восхваление духам великого Драконова Хребта, воспевание красоты Синегорья и тишины Кара-Холя. Голос ее взлетал высоко, подражая голосам птиц родного края, когда переходил на другой вибрирующий тембр, слышался шум весенних рек. Вот зацокали чээрены, призывающие детенышей, зазвенели жаворонки, закурлыкали журавли. Зашуршала трава от ветерка, следом за свистели суслики...

Все слушатели застыли от необычного и прекрасного пения Таны. У старых людей на глаза навернулись слезы. Потрясенная молодежь умолкла, затем взорвалась такими криками восторга, что замычали проснувшиеся коровы и залаяли собаки, тоже заслушавшиеся дивных звуков. Одна собака даже завывала от непонятной тоски и восторга. Затем внезапно кинулась к сидящей Тане и быстро лизнула ей руку. От громкого смеха она испугалась и убежала.

По многочисленным просьбам Танаа теперь начала всем известную песню. Она попросила поддержки зрителей и помощи Долумы. Та немного посмущалась, но согласилась. Дуэт был просто ошеломляющий. Чаянмаа никогда не слышала такого пения матери и не меньше других восторгалась, удивлялась и гордилась своей талантливой семьей.

Наступила полночь. Костер догорал. На ясном ночном небе сверкали звезды, как будто разбросанные по небу бусы. Среди них на черном небе белела ущербная луна, похожая на откушенный с краю сыр.

Уже успевшая переодеться в ритуальную одежду шаманка подошла к молодым. Она накинула им на шею длинный белый хадак⁵, и, взяв за его концы, повела пару к их жилью. За ними потянулись старейшины родов. Сняв веревочную преграду на двери, Сереброголовая произнесла благопожелание двери, очагу и открыла юрту. Пропустив молодых внутрь, сказала:

– Молодая хозяйка должна встать завтра утром, когда на краю неба первая полоска света появится, когда на земле пестроту не различишь. Тогда уже дым должен подниматься над тогоной, а готовый чай ароматом должен заполнить юрту. Тогда ты семейным тос-караком впервые как хозяйка окропи девять миров, чтобы всем живым и неживым существам достигли твои благопожелания и они поняли, что в мире земном родилась еще одна семья и еще одна хозяйка каждое утро будет их кормить благопожеланиями. Тогда они порадуются за вас.

Будь всегда радивой хозяйкой, покладистой невесткой, которая уважает старших в семье, помогает младшим. Будь готова завтра принять первых гостей в своей юрте!

На этот день свадьбы завершился. Чаянмаа с матерью и родственницами ушли спать в приготовленную для них юрту. Бабушка ночевала в другой вместе со старейшинами рода, со сватами.

Рано утром мама разбудила дочку со словами:

– Пойдем в юрту Таны чай пить.

Все старейшины уже собрались навестить молодых. Вот они во главе с шаманкой подошли к юрте.

Двери открыл улыбающийся Болат-честей. Танаа принимала уже в обычной одежде, но все равно она была такая красивая, румяная, что казалась такой же нарядной невестой, как вчера. Когда появилась возможность, Чаянмаа подскочила к ней, обняла и прошептала: «Ты такая красивая!». Хозяйка двигалась легко, улыбалась всем, рассаживала гостей, наливала и подавала всем чаю. На самом почетном месте оказались родители ее мужа и Сереброголовая с дедом Данзырыном.

Пришедшие наделяли молодоженов подарками, громко и торжественно называя количество скота и имущество, которые они передают новой семье. Сереброголовая своей сестре обещала овец и коз сотню голов, а также пятьдесят коров и быков. Родители мужа выделили им десять голов яков, двадцать верблюдов, среди которых были редкие – белые.

Но всех удивил и восхитил дед Данзырын. Он подарил потрясенному зятю своего редкого скакуна Аранчула, на котором приехал. Специально для этого всех позвали наружу.

Болат, стоя на одном колене, с волнением принял от деда повод коня и поклонился ему до земли. Аранчула стоял в красивом серебряном убранстве, а сбоку седла была видна связка знаменитого аркана от Данзырына. Зять был безмерно счастлив, а окружающие цокали и охали от удивления и восторга.

Чаянмаа вместе со всеми подивилась серебряным украшениям на коне, затем подошла к деду, дернула его за рукав и деловито поинтересовалась:

– Дед, а на чем обратно-то поедешь?

Все посмеялись над наивностью ребенка.

В юрте продолжался прием гостей, друзей, велись разговоры.

Но вот и подошло время расставания. Солнце уже поднялось высоко. Родственники невесты собрались обратно в путь.

Чаянмаа заглянула в юрту Таны в надежде попрощаться с нею и с удивлением заметила, что свекровь кладет камень на подол невестки, сидящей у очага. При этом женщина приговаривала:

– Камень должен лежать там, где положили, а невеста должна остаться в доме того, за кого ее выдали. Нельзя тебе, дорогая, выходить из юрты, пока твои родные не покинут пределы аала.

Гости неспешно покидали стоянку, трижды обходя вокруг по ходу солнца. Во главе всадников ехала Сереброголовая с Чаянмой, затем – дед Данзырын, Долума и другие.

Чаянмаа радовалась подаркам, которых получила, но грустила по оставшейся Тане. Она спросила бабушку, почему когда чужие увозили Тану, все ехали быстро, а сейчас они возвращаются медленно. Та пояснила, что по обычаю невесту с родного порога надо увозить быстро, чтобы она не тосковала и не возвращалась обратно. Родные же, оставив дочь в чужой семье, уезжают неспешно, с пожеланиями благополучия, мира, здоровья, детей и скота. Ждут ее через год, когда она приедет в гости с мужем и первым ребенком. Тогда молодые заберут скот, который им обещали на свадьбе.

Чаянмаа вздохнула тяжело. Ей все равно было очень грустно.

¹ Думалай - головной покров невесты.

² Чавага – украшения для волос.

³ Содак и шуудак – соответственно кожаные трусы и наспинник с ремешками, которые завязывались на открытой груди.

⁴ Тамга – знак, печать.

⁵ Хадак - ритуальный плат, шарф.